

Научная статья

УДК 82-3

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-94-99

Ренановский интертекст в рассказе А. П. Чехова «Студент»

Олег Михайлович Колесников

Омский государственный педагогический университет
Омск, Россия
haris67@list.ru

Аннотация

Рассматриваются переключки рассказа А. П. Чехова «Студент» с сочинениями Э. Ренана. В автобиографической книге «Воспоминания детства и юности» повествуется, как двадцатидвухлетний Ренан, студент парижской семинарии, находясь на каникулах в своем родном захолустном городке, решает оставить ортодоксальное христианство и написать критическое жизнеописание Иисуса; это позволяет полагать, что Ренан является прототипом двадцатидвухлетнего студента духовной академии из чеховского рассказа. «По-ренановски» изображаются библейские события в «Студенте»: имитируется стиль ренановской «Жизни Иисуса». Ключевые слова рассказа «правда и красота» находим в трактате «Будущее науки» как альтернативу лексеме «Бог». След религиозно-философских взглядов Ренана приметен в финальных размышлениях чеховского героя.

Ключевые слова

Евангелие, А. П. Чехов, Э. Ренан, «Студент», «Жизнь Иисуса», интертекст, полифонизм

Для цитирования

Колесников О. М. Ренановский интертекст в рассказе А. П. Чехова «Студент» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 2: Филология. С. 94–99. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-94-99

Intertext of Renan in Chekhov's Short Story "The Student"

Oleg M. Kolesnikov

Omsk State Pedagogical University
Omsk, Russian Federation
haris67@list.ru

Abstract

Purpose. The article is devoted to testing the literary intuition of A. P. Chudakov regarding the polyphony of Chekhov's story "The Student" – the sound of Renan's position and the canonical religious one in it. The study uses intertextual, biographical, and structural analysis methods.

Results. The autobiographical work of Renan tells how twenty-two-year-old Renan, a student of the Paris seminary, while on vacation in his hometown in remote Brittany, decides to leave traditional Christianity. Projections of these biographical details are found in Chekhov's favorite short story. The article deals with the stylistic and substantive references of the "Gospel of Velikopolsky" with the world-famous "Life of Jesus". The poetics of ambiguity and understatement in the finale of the story is subordinated to the task of covertly showing the unorthodox way of thinking of the hero of the story. It is quite possible that the story written in 1894 is Chekhov's requiem for Renan, who died two years earlier.

Conclusion. We believe that paying attention to the personality and work of the French writer, philosopher and historian can be very productive, make a tangible contribution to the study of the artistic world of Chekhov.

Keywords

Chekhov, Renan, The Gospel, "The Student", "The Life of Jesus", intertext, polyphonism

For citation

Kolesnikov O. M. Intertext of Renan in Chekhov's Short Story "The Student". *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 2: Philology, pp. 94–99. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-94-99

© Колесников О. М., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 2: Филология. С. 94–99

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 2: Philology, pp. 94–99

Введение

Рассказу А. П. Чехова «Студент» посвящено немало исследований, однако в них до сих пор не получен вывод, сделанный А. П. Чудаковым четверть века назад. Ученый отметил, что в «Студенте» «Чехов изображает библейские события <...> по-ренановски» (курсив наш. – О. К.) [Чудаков, 1996]. Чеховед обнаруживает идеологический полифонизм в рассказе, ведь главное не в стиле, а в идейной позиции, за ним стоящей. Факт звучания ренановского голоса в рассказе нуждается в самой тщательной проверке, тем более потому, что рассказ – пасхальный, а голос – отрицающий Христову победу над смертью. По мысли Ренана, воскресение Иисуса – миф, распространению которого содействовало «живое воображение Марии Магдалины» [1906, с. 242].

Предполагаем, что ренановский интертекст пронизывает рассказ от его названия до последнего слова. В интертекстуальном диалоге принимают участие такие произведения Ренана, как «Воспоминания детства и юности», «Жизнь Иисуса», «Будущее науки» и др.

Результаты исследования

Эрнест Ренан как прототип Ивана Великопольского

Французский историк, лингвист, философ Жозеф Эрнест Ренан (1823–1892) стал всемирно знаменитым после выхода в свет его книги «Жизнь Иисуса» (1863). При создании книги Ренан «опирался на достижения так называемой Тюбингенской школы немецких историков, которые подвергли критическому изучению текст Нового завета» [Кийко, 1980, с. 106]. «Евангелие, – пишет Ренан, – представляет собою легенду; в нем могут быть исторические факты, но, конечно, не всё, что в них заключается, исторически верно» [1906, с. 7]. Расхождения автора «Жизни Иисуса» с традиционным христианством вытекают из его понимания природы библейского откровения.

Герой «Студента» – Иван Великопольский, двадцатидвухлетний «студент духовной академии» [Чехов, 1977, с. 306]¹; это следующая за семинарией ступень духовного образования, кузница будущих архиереев и богословов.

Допускаем, что Чехов проецирует на своего героя черты двадцатидвухлетнего Ренана, студента парижской семинарии, который, находясь на каникулах в своей родной захолустной Бретани, решил порвать с ортодоксальным христианством, «руководствуясь указаниями разума и критического мышления» [Ренан, 1902–1903, т. 10, с. 141]. Если предполагаемая нами проекция верна, то написанный в 1894 г. рассказ – это чеховский реквием умершему двумя годами ранее Ренану.

Несостоявшийся католический священник рассказывает о произошедшем с ним духовном переломе в «Воспоминаниях детства и юности» [Там же, с. 138–144]. Описывая свое пребывание в Бретани в 1845 г. и сообщая об особенностях нового отношения к вере, о приверженности христианству «в духе учений богословов из Галле и Тюбингена», он признается: «Уже в эти минуты мною была вполне задумана Жизнь Иисуса» [Там же, с. 139].

Александр Мень пишет о ренановском «Рубиконе» в книге «Трудный путь к диалогу»: «6 октября 1845 года по широкой лестнице семинарии св. Сюльпиция в Париже спускался молодой человек в сутане <...> Жозефу Эрнесту Ренану было всего 22 года. Еще недавно он готовился принять сан священника. Но теперь эта мысль была оставлена навсегда» [Мень, 1992].

Скорее всего, из «Воспоминаний» в концепцию образа Великопольского перенесены: возраст, учеба в духовных заведениях, каникулы в родном захолустье, пренебрежительное отношение к обрядовой стороне религии. (Двадцатидвухлетний Ренан «перестал принимать

¹ В дальнейшем ссылки приводятся по этому изданию с указанием в скобках страницы.

участие в таинствах Церкви» [Ренан, 1902–1903, т. 10, с. 137], а его ровесник из чеховского рассказа охотится в Страстную Пятницу.)

Склонность Ивана Великопольского к историософским обобщениям, вероятно, также «срисована» с французского историка, который признавался, что «оригинальная среда» его родной Бретани даровала ему «качество, драгоценное при изучении исторических наук», – способность понимания «того или другого строя, совершенно отличающегося от современного» [Там же, с. 45]. Великопольский, обращая внимание на «дырявые соломенные крыши, невежество» своих родных мест, думал, что так было «и при Рюрике, и при Иоанне Грозном, и при Петре...» (с. 306). А вот что было с юным бретанцем: «До 1830 года самое далекое прошлое еще жило в Бретани. В городах пред вами воочию вставал мир XIV и XV столетий. А для внимательного глаза эпоха переселения (V и VI века) была приметна в деревенской жизни» [Там же, с. 45].

Бывший семинарист в «Воспоминаниях» сообщает, что уже в 22 года у него имелся замысел художественной реконструкции евангельских повествований о жизни Иисуса, а Иван Великопольский в 22 года этот замысел частично воплотил в рассказе, который имеет приметы ренановского нарратива.

Стилизация в «Евангелии от Великопольского»

Чеховское произведение представляет собой «рассказ в рассказе». Героями обрамляющего рассказа являются Иван Великопольский и вдовы Василиса и ее дочь Лукерья, его слушательницы. Действующие лица вставного рассказа – Иисус и апостол Пётр. Повествуя о событиях, произошедших накануне распятия Христа, студент привлекает внимание Василисы к богослужебным текстам: «Небось, была на двенадцати евангелиях?» (с. 307). «Двенадцать Евангелий» – читаемые на утрени Великой Пятницы двенадцать частей из четырех Евангелий, где описываются страдания Иисуса Христа перед распятием².

Надлежит отметить, что контаминирование четырех Евангелий в рассказе Великопольского во многом следует «Жизни Иисуса», а не «Двенадцати Евангелиям». Так, в богослужебных текстах нет эпизодов со сном апостолов в Гефсиманском саду и иудиним поцелуем, которые затрагивает студент, зато они есть в «Жизни Иисуса» [Ренан, 1906, с. 224]. Если в «Двенадцати евангелиях» доминирующий текст – евангелиста Иоанна, то у Великопольского – Луки (шесть точных цитат из восьми).

Почему Великопольский преимущественно цитирует Луку, а не Иоанна? Возможно, из-за Ренана, который писал о ненадежности четвертого Евангелия [1906, с. 255], а Евангелие от Луки считал наилучшим источником для научной реконструкции биографии Иисуса: «Относительно Луки нет места сомнениям» [Там же, с. 31].

Для переложения евангельских повествований в «Жизни Иисуса» характерно их «романизирование» – творческое наполнение психологическими и предметными деталями. И. А. Гончаров порицает Ренана за это: «Творчеству в истории Спасителя почти нет простора <...> если только не идти по следам Renan» [Гончаров, Романов, 1993, с. 57].

Ренановскую манеру Чудаков замечает в «Студенте»: «По сравнению с изложением этих событий у евангелистов в рассказе *художественно реконструируется* (конечно, по-чеховски лаконично) душевное и физическое состояние Петра, вещная обстановка ситуации» (курсив наш. – О. К.) [Чудаков, 1996]. «В пересказе студента, – пишет Н. А. Кадырова, – евангельский эпизод оказывается более пластичным, в него вводятся развернутые описания природы и предметной обстановки, действие как бы одевается в декорации, приобретает эмоционально-психологическое напряжение» [Кадырова, 2019, с. 9].

Ренан, бросая легкую тень на свидетельство евангелистов о сне жены прокуратора Понтия Пилата, сообщает о ней следующее: «Она могла видеть этого кроткого Галилеянина из окна

² См.: *Желтов Михаил, священник*. Состав службы 12 Евангелий (утрени Великой пятницы). URL: https://azbyka.ru/otechnik/Mihail_Zheltovtov/sostav-sluzhby-12-evangelij-utreni-velikoj-pjatnitsy/ (дата обращения 09.06.2021).

своего дворца, которое выходило во двор храма. Быть может, она видела его во сне, и ужас охватил ее при мысли, что должна пролиться кровь этого прекрасного юноши» [Ренан, 1906, с. 229]. Изложение евангелистов дополняется «развернутыми описаниями предметной обстановки» («окно дворца, которое выходило во двор храма»), «приобретает эмоционально-психологическое напряжение» («ужас охватил ее») и проч.

В свою очередь, и в рассказе Великопольского евангельский эпизод «раскрашивается»: «*Воображаю*: тихий-тихий, темный-темный сад, и в тишине едва слышатся глухие рыдания...» (курсив наш. – О. К.) (с. 308). «Художественно реконструируется» душевное и физическое состояние Петра (едва слышимые «глухие рыдания»), «действие одевается в декорации» (сад, в котором якобы плакал апостол).

Рассказ студента об избииении Иисуса на пути из Гефсиманского сада к дому первосвященника («Его связанного вели к первосвященнику и били» (с. 307–308)) не имеет библейского подтверждения (см. Мф. 26:46–58; Мк.14:42–53; Лк. 22:47–54; Ин. 18:3–13). Евангелист Марк приводит слова Иуды, противоречащие этой версии: «...возьмите Его и ведите осторожно («сохранно» – церковнослав.)» (курсив наш. – О. К.) (Мк. 14:44).

Об избииении Великопольский рассказывает «по-ренановски», литературно, используя эпитеты («замученный тоской и тревогой»), эмоционально окрашенную лексику («вот-вот на земле произойдет что-то ужасное», «страстно, без памяти любил Иисуса»), ритмомелодические и лексические повторы («его вели к первосвященнику и били <...> понимаешь ли <...> теперь видел издали, как его били») (с. 307–308).

Образ мыслей героя и его прототипа

Основным событием в «Студенте» является перемена унастроения героя: его скептическое в начале рассказа отношение к жизни сменилось оптимистическим: «...жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла» (с. 309). Мысли студента о высоком без затруднений соотносятся с религиозно-философскими взглядами Ренана.

Великопольский вполне «в духе учений богословов из Галле и Тюбингена» выделяет исторический аспект того, «что происходило девятнадцать веков назад» (с. 309). Евангельская история рассматривается им как звено в цепи событий прошлого, без какого-либо подчеркивания необыкновенности, уникальности этого звена: «Прошлое, думал он, связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого» (с. 309). Этот образ цепи может быть прочитан как приравнивание Евангелия к обычному повествованию о прошлом (историческому источнику).

В центре размышлений студента в самом финале рассказа – «правда и красота», составляющие «главное в человеческой жизни и вообще на земле» (с. 309).

Следует подчеркнуть, что, во-первых, «правда и красота» – слова, бытующие в дискурсе едва ли не любой идеологии (системы убеждений), без них не обходится ее позитивная самопрезентация. Во-вторых, для христианского сознания не «правда и красота», а Бог – это «главное в человеческой жизни» («Только в Боге успокаивается душа моя» (Пс. 61:2)).

Есть вероятность, что слова «правда и красота» в «Студенте» отсылают к пассажиру в книге «Будущее науки», где они рассматриваются как замена лексеме «Бог»; для Ренана Бог – это «категория идеала», «трансцендентное резюме сверхчувственных потребностей [человека]» [Ренан, 1902–1903, т. 2, с. 135]. «Скажите простым людям, чтобы они отвлеченно жили *правдой и красотой*, и эти слова не будут иметь для них никакого смысла. Скажите им, чтоб они любили Бога, чтоб они не оскорбляли Его, и они поймут вас удивительно хорошо» (курсив наш. – О. К.) [Там же].

Во фрагменте «правда и красота, направлявшие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника» можно увидеть черты ренановского Христа, т. е. *человека*, движимого нравственным идеалом («правда и красота»). В канонической трактовке Христос – это человек и одновременно Бог, Законодатель в нравственной сфере, а не ее подчиненный.

Студенту духовной академии должно быть хорошо известно, в чем заключаются христианское счастье и христианский смысл жизни, но мыслью он не возносится к Богу, а вдохновляющее студента «счастье» характеризуется как «неведомое» и «таинственное» (с. 309). Похоже, что «горный мир» находится за рамками его размышлений, и «неведомое, таинственное» счастье не имеют отношения к нему, так как христианское счастье не «неведомо», оно связано с жизнью там.

Отрицая Бога библейского откровения, Ренан допускает возможность эволюционного становления «бога» и даже появления неких форм бессмертия; эта гипотеза позволяет ему с оптимизмом смотреть в будущее человечества [Ренан, 1902–1903, т. 1, с. 14–16]. Думается, что русский писатель сделал своего героя носителем не только биографических черт знаменитого француза, но и «неведомого, таинственного счастья» его мироощущения.

По словам А. П. Чудакова [1996], наряду с ренановским «в рассказе, находим и иной, “канонический”, взгляд – веру в букву Евангелия». Это, бесспорно, справедливое замечание: рекем по умершему не заглушает гимн Воскресшему. В статье мы рассмотрели лишь одну сторону, однако нужно сказать и о том, что Чехов, следуя своему принципу «правильной постановки вопросов», не оставляет за собой последнего слова, т. е. не заявляет с помощью художественных средств о своем согласии / несогласии с чьей-либо идеологической позицией.

Заключение

На основании проведенного анализа с высокой степенью уверенности допускаем, что А. П. Чехов наделил героя рассказа «Студент», во-первых, биографическими чертами Э. Ренана, во-вторых, его манерой «художественной реконструкции» евангельских эпизодов, в-третьих, его образом мыслей. Стилизация, аллюзия и цитата – формы интертекстуальности, организующие вхождение ренановского мира в чеховский космос. Искусная аллюзивная «отделка» рассказа дает основание полагать, что он рассчитан как на массового, так и на элитарного читателя. Определение сочинений Ренана, с которыми Чехов был знаком, – важная задача для дальнейшего изучения ренановского интертекста (подтекста) в художественных и нехудожественных текстах русского классика; ее решение тесно связано с проблемой отличия интертекста от межтекстовых параллелей, которые объясняются случайным сходством элементов чеховского и ренановского текстов.

Список литературы

- Гончаров И. А., Романов К. К.** Неизданная переписка; Стихотворения; Драма. Псков: Изд-во ПОИПК, 1993. 304 с.
- Кадырова Н. А.** Рассказ А. П. Чехова «Студент»: опыт мифопоэтического комментария // Казанская наука. 2019. № 9. С. 8–10.
- Кийко Е. И.** Достоевский и Ренан // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1980. Вып. 4. С. 106–121.
- Мень А.** Трудный путь к диалогу. М.: Радуга, 1992. 462 с. URL: <http://lib.ru/HRISTIAN/MEN/trudput.txt> (дата обращения 21.06.2021).
- Ренан Э.** Жизнь Иисуса. Киев: Изд. кн. маг. С. И. Иванова и К°, 1906. 336 с.
- Ренан Э.** Собр. соч.: В 12 т. Киев: Книгоиздательство Б. К. Фукса, [1902–1903]. Т. 1: Будущее науки. Мысли 1848 года. Часть I. 161, 17 с.; Т. 2: Будущее науки. Мысли 1848 года. Часть II. 143, 17, VII с.; Т. 10: Воспоминания детства и юности. 210 с.
- Чехов А. П.** Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. М.: Наука, 1977. Т. 8. 528 с.
- Чудаков А. П.** «Между “есть Бог” и “нет Бога” лежит целое громадное поле...»: Чехов и вера // Новый мир. 1996. № 9. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/9/chudak.html (дата обращения 27.11.2017).

References

- Chekhov A. P.** Complete Works and Letters: in 30 vols. Works: in 18 vols. Moscow, Nauka, 1977, vol. 8, 528 p. (in Russ.)
- Chudakov A. P.** “Mezhdu ‘est’ Bog’ i ‘net Boga’ lezhit tseloe gromadnoe pole...”: Chekhov i vera [“Between ‘there is God’ and ‘there is no God’ lies a whole huge field...”: Chekhov and Faith] *Novyi mir [New World]*, 1996, no. 9. (in Russ.) URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/9/chudak.html (accessed: 27.11.2017).
- Goncharov I. A., Romanov K. K.** Neizdannaya perepiska; Stikhotvoreniya; Drama [Unpublished correspondence; Poems; Drama]. Pskov, POIPK Publ., 1993, 304 p. (in Russ.)
- Kadyrova N. A.** Rasskaz A. P. Chekhova “Student”: opyt mifopoeticheskogo kommentariya [The story of A. P. Chekhov “Student”: the experience of mythopoetic commentary]. *Kazanskaya nauka [Kazan Science]*, 2019, no. 9, pp. 8–10. (in Russ.)
- Kiiko E. I.** Dostoevsky i Renan [Dostoevsky and Renan]. In: Dostoevsky. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and research]. Leningrad, Nauka, 1980, iss. 4, pp. 106–121. (in Russ.)
- Men A.** Trudnyi put' k dialogu [The difficult path to dialogue]. Moscow, Raduga, 1992, 462 p. (in Russ.) URL: <http://lib.ru/HRISTIAN/MEN/trudput.txt> (accessed: 21.06.2021).
- Renan E.** Collected works. In 12 vols. Kiev, B. K. Fuchs Publ., [1902–1903], vol. 1, 161, 17 p.; vol. 2, 143, 17, VII p.; vol. 10, 210 p. (in Russ.)
- Renan E.** Zhizn' Iisusa [The Life of Jesus]. Kiev, S. I. Ivanov and Co. Publ., 1906, 336 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Олег Михайлович Колесников, соискатель кафедры литературы и культурологии

Information about the Author

Oleg M. Kolesnikov, Applicant for a Degree of Candidate of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 21.06.2021;
одобрена после рецензирования 15.11.2021; принята к публикации 16.11.2021
The article was submitted 21.06.2021;
approved after reviewing 15.11.2021; accepted for publication 16.11.2021*